

тва значимости, бонусы в утешение. Покаянная родительская реакция может быть отложена, но на понятный, приемлемый срок. Отсутствие её может породить фантазию: «Если на мою обиду не реагируют, значит, я – сирота», или «Я нелюбим, жить незачем».

Момент, в который происходит отказ от будущего, в который человек перестает чего-либо ожидать, крайне важен, и заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что он может возникать и в других жизненных стратегиях.

Но позиция обиженного ребёнка, которого никто не бросается утешать, для взрослого че-

ловека нелепа и нестерпима. А что делать, если по-другому он позиционировать себя не умеет? Стоять в глупой позе до конца, находя всё новые источники своей уязвлённости?

Исход подобной стратегии печален. Обида на саму жизнь проявляется в виде отказа от жизни. Путем отвержения удовольствий, сворачиванием всех программ и планов, схлопыванием перспектив. Отбрасываются любые новые возможности. Уходит смысл существования, и жизнь плавно перестает быть настоящей, становясь прошлой.

Зато готова роскошная эпитафия: «Я обижен».

В.Б. Носкова

ФИЛОСОФИЯ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

Носкова
Вера Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
Института международных связей

E-mail:
zubr@usp.ru

Современное увлечение чайными церемониями – дань моде на восточную экзотику – отозвалось множеством интересных этнографических работ, описывающих историю чая, технологию его заваривания, вкусовые качества сортов, процедуру чаепития по-восточному, в отличие от английской и русской традиции. По ироничному замечанию японского писателя, это «буря в чашке чая», при всей умиротворенности чайного таинства.

Важно понять, как в чайной церемонии воплощены философские основы ментальности, этические, эстетические приоритеты определенных культур.

Идущие из древности ритуальные акты, к которым можно отнести и чайную церемонию, имеют специфичную семантику мировоззренческих имитаций, в них смыслы бытия находили

своеобразное отождествление: «Этот исторический смысловой шифр к природе и к жизни, (...) оказался культурной ценностью, результатом «производства идей», духовным инвентарем, пошедшим в пользование новой идеологии и новой культуры»¹. Обряды были тождественны миропониманию древних. А затем становились метафорой реальности. Такие «дубликаты», в частности неизменная форма чайной церемонии, становились эмоционально-смысловыми шифрами отношения к миру, и как следствие, реальностью особого рода, отражением совершенного и переосмысленного действия. Эта форма, запечатлевающая перекодированное сознание, создает условия для интерсубъективной коммуникации как возможность приобщения к философскому смыслу совершаемой церемонии (*Смысл бытия // знак / ценностная знаковая реальность*). И одновременно понимание смысла ритуала – условие межкультурной коммуникации, ибо чай – один из самых распространенных во всем мире напитков.

Приготовление целебного снадобья из листьев чайного куста известно в Китае с глубокой древности и упоминается в связи с именем китайского мыслителя Лао-цзы (т.е. 5-6 в до н.э.), полное признание и «узаконение» в Поднебесной чай получил в 8 веке в эпоху Тан, когда «апостол чая» Лу Юй написал трёхтомный трактат «Священная книга о чае» (другой вариант перевода – «Канон чая»). Уже тогда чайная церемония понималась

не только как чаепитие, а именно как время, потраченное на таинство осмысления бытия и воспитание духа путём постижения изысканного вкуса чая. Чайный лист приобретает значимость поистине «философского листа» (перифраз «философского камня»). Какие учения (教) мы можем прочесть на нём, на этом чистом листе для нас?

Прежде всего в китайской технологии приготовления и употребления чая воплощены основы **натурфилософии** древнего Китая. Согласно космогоническим мифам, первоначальная единая субстанция «ци» разделилась на два начала: «ян» (светлое, активное, творческое, мужское, небесное) и «инь» (тёмное, пассивное, принимающее, женское, земное) – они поддерживают гармоническое равновесие в мире. Силы Инь и Ян, «+» и «-», постоянно сменяют друг друга, взаимоопределяя и дополняя друг друга. Символический смысл этого «ритуала» выражен в переворачивании чашечек и вкушении энергий Инь и Ян”, при использовании тайваньского способа чаепития (Китайская чайная церемония?).

Миропорядок в китайской натурфилософии (зафиксированный, например, в системе Фэн-шуй) определяли «пять **первостихий**» (в качестве понятий, денотатов, а не предметов), как сказано в книге «Шу цзинь»: «Первое начало – вода, второе – огонь, третье – дерево, четвертое – металл, пятое – земля»². Эти стихии соответственно обладают свойствами течь вниз, подниматься вверх, сгибаться, изменяться и принимая посев, давать урожай. В чайном ритуале последовательно сменяются состояния, в ней присутствуют предметы пяти начал. Вода для чая специально выбирается, чаще дождевая или из горных источников, затем нагревается на огне, добытом из древесного угля (тепло поднимается вверх), в металлической посуде и затем заливается (течет вниз) в керамический специальный чайник (глина, земля), куда помещены листья чайного куста (растение, дерево). Чай – это взаимодействие огня, воды, чайного листа, пространства и состояний. Все эти составляющие должны быть сбалансированы спокойной безмятежностью внимательности человека, заваривающего чай. «Ритм взаимодействия листа чайного дерева, правильно приготовленной воды, огня, посуды и проявленного в почтительности чело-

веческого внимания меняют качество восприятия этого мира. Чайная церемония даёт возможность «здесь и сейчас» соприкоснуться с живой реальностью и с мудростью древности»³.

Процесс взаимопроникновения первостихий в чайной церемонии воплощает и **даосские** представления о вечнотекущем мире как единстве противоположностей, где над всем господствует гармонизирующая сила Дао во множестве его смыслов, таящихся в символике иероглифа Дао (путь, метод, истина, абсолют), или как говорил Лао-цзы, «матерь всего сущего. Я не знаю его имени и поэтому называю его путь. Также свободно я могу называть его и Бесконечность. Бесконечность есть Поток; поток есть исчезновение; исчезновение есть Возвращение»⁴. Дао, подобно дракону, излюбленному символу даосизма, отрекается от самого себя, великое перевоплощение. В учении Лао-цзы в центре релятивистское представление о явлениях, взаимопорождающих друг друга. Сама семантика иероглифов имени учителя даосов Лао цзы являет даосский символ антиномии взаимопроникновения: «лао» – старик, старый, «цзи» – ребенок, т.о. оксюморонное «старик ребенок» можно понять как взаимопроникновение, взаимосвязь начала и конца, рождения и смерти, появления-исчезновения, возвращения. «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добрым, возникает зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и лёгкое создают друг друга, высокое и низкое взаимоопределяются, (...) предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномуудрый, совершая дела, предпочитает недеяние»⁵. «Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие»⁶. «Нужно сделать свое сердце предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда вещи будут изменяться сами собой, а нам лишь останется созерцать их возвращение. В мире большое разнообразие вещей, но все они возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности»⁷.

В соотношении с даосизмом неспешная церемониальность чайного мастера и «недеяние» участников позволяют создать атмосферу погруженности в осмысление сущности дао – «глубо-

кой основы всех вещей»⁸, их антиномичности, где твердое и сильное уступает нежному и слабому. «Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное»⁹ (кстати, часто именно таким кажется чай европейцам, не настроенным на вкушение тонкого аромата). В чайной церемонии при совместности действия достигается спокойствие уединенного самоуглубления, при вкушении «безвкусного» обостряется восприятие тонкого вкуса. За чайным столиком от начала церемонии и до ее окончания приходит ощущение, что человек способен осознать себя и достичь того, что ему нужно в жизни.

«Даосизм представляет собой индивидуалистические тенденции Южного Китая, в противоречие общественным идеалам Северного Китая, которые нашли своё воплощение в конфуцианстве»¹⁰ Даосизм возник почти одновременно с **конфуцианством**, и эти две философские доктрины, подобно «инь-ян», взаимоиисключая, взаимодополняя, уравнивая друг друга, всегда существовали в Китае как бы дуалистично, и такая бинарная гармонизация философских основ нации во многом определила устойчивость цивилизации на протяжении тысячелетий. Даосскому недеянию противостоит конфуцианский долг, индивидуальному постижению дао – мысли о возможности гармонизации общего социального бытия человека, а созерцательности, интуиции (несказанности истины) – культ ума, знания. Но и у Лао-цзы, и у Конфуция путь самосовершенствования человека как постижения Дао внутри себя является общей несомненной аксиологической ценностью. Конфуцианское учение о «цзюнь-цзы» (благородном муже), о человечности, сыновней почтительности, гармоничной «середины» (чжун юн) неразрывно связано с категорией «ли» 禮 – следование правилам, ритуалам.

«Победить себя и возвратиться к церемониям – значит быть гуманным»¹¹ (тот же афоризм XII, 1 – в другом переводе: «Сдерживать себя, чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, – это и есть человеколюбие»¹²). «Благородной муж, признавая справедливость за основу своей деятельности, проводит ее при помощи правил» (афоризм XV, 18). Следует заметить, что в китайском языке слова «ритуал» (禮) и «справедливость» (理) записываются разными

иероглифами, но звучат совершенно одинаково «ЛИ». Ритуал – залог прочности бытия и укрепления исторических взаимосвязей. В книге «Ли цзи» («Книга обрядов») Конфуций сказал, что «только совершенномудрые смогли понять, что ритуал не должен прерываться. Чтобы разрушить царство, погубить клан, извести человека, нужно прежде всего искоренить ритуал. Ритуал для людей – все равно что закваска для вина. Благородные мужи благодаря ему возрастают, низкие же люди умаляются»¹³. Длительная чайная церемония требует неукоснительного соблюдения правил приготовления чая, способов заваривания (вываренный чай эпохи Тан, взбитый измельченный чай эпохи Сун, крепкий чай эпохи Мин). В церемонии прописаны этапы вкушения чая и даже тематика и манера разговора во время церемонии (о чае, о вечных вопросах бытия, о красоте картин на стене). «Кто не признает церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои» (XX, 5).

В Китае чайную церемонию (典禮 dian li) часто именуют «功夫茶 gong fu cha». Это название порой очень вольно трактуется в популярных статьях. Но анализ детерминантов иероглифов позволяет акцентировать в этой фразе понятия «усилие», «упрочение», связанное с чаепитием. «Чай укрепляет волю, снимает усталость, делает острее зрение, а всё негативное отходит на второй план или исчезает вообще»¹⁴.

Церемонии (典禮), воплощающие небесные законы, помогают человеку вернуться к своей изначальной гуманной природе, т.е. постичь истину Дао (также центральное понятие конфуцианства): «Если при обширной учености сдерживать себя церемониями, то благодаря этому также можно не уклониться от истины» (XII, 15). Ученики Конфуция говорили, что Учитель «на подстилку, посланную неровно, он не садился, потому что это могло нарушить душевное спокойствие (10,9), значит помешать обрести ясность.

В **буддистской** философии состояние спокойствия при постижении «истины чая» достигается не церемониальностью, но медитативным характером действия, потому что дает возможность внутреннего умиротворения, обуздания страстей, отстраненности от мира, т.е. возможность встать на «восьмеричный

благородный путь». Участники такого чаепития освобождаются от привязанностей ко всему внешнему, «к временным именам», и открывают в себе «природу будды», то, что в свое время дает импульс к проявлению в обычной жизни всех скрытых физических и духовных сил, а также ощущение безграничного счастья.

Так основой японской чайной церемониальности являются «четыре благородные истины пути чая» по аналогии с четырьмя благородными истинами буддизма – Гармония, Благодеяние, Чистота, Умиротворение.

«Гармония» предполагает внутреннее единство между участниками чаепития, когда перестают ощущаться различия между «гостями» и «хозяином» – все присутствующие становятся неким внутренним однородным целым. Душевное состояние участников церемонии должно быть созвучным атмосфере, царящей в чайной комнате. Этот принцип подразумевает также гармонию Неба и Земли, упорядоченность мироздания, а также естественную гармонию человека с природой. Обретение человеком естественности, освобождение от условности сознания и бытия, наслаждение красотой природы вплоть до слияния с ней – всё это внутренние, скрытые цели «пути чая», получавшие внешнее выражение в гармонии и простоте чайной комнаты, непринуждённой, естественной красоте всей утвари. Гармония подразумевает также отсутствие искусственности и скованности в движениях мастера чая, общую атмосферу непринуждённости. Она включает в себя сложную сбалансированность в композиции живописного свитка, росписи чашки, когда внешняя асимметрия и видимая случайность оборачиваются внутренней уравновешенностью и ритмичной упорядоченностью.

«Благодеяние» предполагает, что участник чаепития должен с почтением относиться к собравшимся в чайной комнате, к своему настроению, к действию, к окружающим вещам. Абсолютное в буддистском смысле почитание, не направленное на какой-либо объект и даже неосознаваемое в качестве почитания.

«Чистота» – участие в чайной церемонии только с чистым сердцем и помыслами, без каких-либо корыстных намерений. Чистота отождествляется с добром, и очищение ассоци-

ровалось с обретением покровительства богов, и, следовательно, со здоровьем и получением всевозможных благ.

«Умиротворение» – спокойное состояние духа как «хозяина» так и «гостей. Состояние полного покоя обретается участником чаепития тогда, когда он постигает истинную сущность бытия, его первоизданную пустоту, и чайное действие как раз и является средством достижения этого покоя. Участие в чайной церемонии представляет собой восхождение по уровням покоя – от относительного (спокойствие мыслей, движений, взгляда на окружающее) до абсолютного.

Состояние сосредоточенности, уединенного самоуглубления, освобождения от суетного, великая пустота, которая может наполниться истиной и привести к Просветлению – это условие и результат ритуального постижения чая в культуре, основанной на **дзен-буддизме**. «Первоначальный смысл дзенской чайной церемонии побуждал постичь суть собственной природы, собственного сердца»¹⁵ принял отточенные формы подлинного искусства. Чайная церемония в Японии исполнена красоты и называется «Тя-но-ю» – «это поклонение красоте в сером свете будней», как поэтично выразил её смысл монах Сэн-но Рикю. Любование ускользающим очарованием жизни, сопряженное с таинством чайного ритуала, в Японии имеет целую систему философско-эстетических категорий (*mano-no-аварэ* – скрытая прелесть вещей, их оживление, как мостик между мирами неживого и живого, небесного и бренного; *укиё* – открытие вечного в суетном, условности человеческого бытия; *саби* – печаль от бренности в вечнотекущей жизни и др.). При всей символической философской насыщенности дзэнского чайного действия Сэн-но Рикю (один из создателей японского канона чайной церемонии в 16 веке, дошедшем до современности) требовал, чтобы «за каждым жестом, за всей внешней формой церемонии скрывалось не механическое действие, не мёртвый ритуал, но живое биение сердца»¹⁶.

Эстетика ритуала соединяется с понятием «человечность» (人). Ещё у Конфуция было сказано: «Если человек не обладает человеколюбием, то как он может соблюдать ритуал?

Если человек не обладает человеколюбием, то о какой музыке может идти речь»¹⁷. И это ещё один философский аспект чайной церемонии, ставшей с XV века очень важной для культуры Японии с утвердившейся там дзен-буддистской философией, эстетизирующей обыденность и теплоту человеческого общения. И важно отметить этический аспект «философии чая». Так, в Японии есть выражение «человек без чая» о том, кто невосприимчив к переживаниям другого. А того, кто слишком привержен роскоши, безмятежности и эстетической восторженности называют «человеком, в котором слишком много чая».

Чайная церемония в Японии – это интеллектуальное и духовное общение людей разного происхождения и социального положения (деталь, отличающая японскую церемонию: сначала подается крепкий чай, который гости пьют по очереди из одной большой чашки, передавая её по кругу, и лишь потом слабый чай из отдельных пиал). Своеобразным гимном (хотя и небесспорным) звучат слова японского писателя: «Философия чая – это не только эстетизм (...), он (этот термин) объединяет в себе этику и религию наших взглядов на природу вообще и человека в частности. Эта философия по сути своей гигиенична, так как заставляет задуматься о чистоте; она – часть экономики, поскольку открывает нам мир комфорта в простоте, отмечая всё дорогостоящее и громоздкое; она – моральная стереометрия, так как развивает наше чувство пропорции и геометрического восприятия Вселенной. И в конце концов, она является истинным духом восточной демократии, её образчиком, так как объединяет все социальные слои населения, превращая их в настоящих аристократов, подлинных ценителей и гурманов»¹⁸.

Пафос демократичности не совсем неуместен, если говорить о чайной церемонии «кастовой» Индии, где, например, принято глиняную чашку, из которой участник пил чай, разбивать в знак того, что до него и после него никто не будет пить из этой посуды. Но это уже не философия, а скорее национальная специфика. Как впрочем и педантичность «*five o'clock tea*» в Англии и вкусовые пристрастия в чайхане

Средней Азии или русское чаепитие «по семи стаканов чая» из самовара, отразившее национальное свойство – соборность душ. Чай в этих странах узнали в XIII-XV веках, заимствовав чайную церемониальность как экзотическое действо, как форму общения, но не как отражение глубинных основ миропонимания.

Но заметим, что во всех рассмотренных здесь философских системах присутствует понятие Дао, а чайная церемония предстает как постижение Дао – сущности первоначал, миропорядка, смысла бытия, человека. Потому из разных национальных названий чайной церемонии самым ёмким, наиболее точно отражающим общую философскую межкультурную особенность этого семантизированного ритуала, можно считать фразу «**Cha dao**» – 茶道 – дословно «путь чая» или «чайный путь, процесс», но понятийное поле иероглифа 道 dao акцентирует смысл чайной церемонии как путь к истине, путь к истине при помощи чая и/или постижение чая. «Cha dao» – это дискурсивная форма установления философского, исторического, межкультурного диалога.

1. Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – с.13.
2. Шу Цзин. // Древнекитайская философия. Собр. текстов в 2-х т. Т1. – М.: Мысль, 1972. – с.105.
3. Коженев А. Китайская чайная церемония. – www.Vseidei.biz.
4. Цитирую по книге Оакура Какудзо. Книга чая. – Минск: харвест, 2002. – с.32.
5. Дао дэ цзин. // Древнекитайская философия. Собр. Текстов в 2-х т. Т1. – М6, Мысль, 1972. – с.115.
6. Там же, с. 116.
7. Там же, с. 119.
8. Там же, с. 133.
9. Там же, с. 133.
10. Какудзо Оакура. Книга чая. – Минск: Харвест, 2002. – с. 32.
11. Конфуций. Афоризмы мудрости. – М.: Белый город, 2007. – с.111.
12. Конфуций. Лунь юй. // Древнекитайская философия. Собр. Текстов в 2-х т. Т1 – М.: Мысль, 1972. – с.159.
13. Конфуций. Ли цзи. // Древнекитайская философия. Собр. текстов в 2-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1972. – с.108-109.
14. Оакура Какудзо. Книга чая. – Минск: Харвест, 2002. – с.19.
15. Религии мира. В 2-х т. Т 2. – М.: Аванта+, 1997. – с. 691.
16. Там же, с. 692.
17. Там же, с.145.
18. Какудзо Оакура. Книга чая. – Минск: Харвест, 2002. – с.5.